

О ДИЛЕТАНТСТВЕ В ДРАМЕ И ИНЕРЦИИ АВТОРСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Дилетанты и инерция 13.11.60

ПОЧТИ ДВА года тому назад на гастролях в Москве побывал Воронежский драматический театр имени А. Кольцова. Он показал несколько прекрасных спектаклей («Алексей Кольцов», «Виринея», «Иван Буданцев»), в которых угадывалась очень важная тема театра — тема русского национального характера, крупного, стойкого, целеустремленного.

Недавно мне вновь довелось встретиться с театром на его родине. С прежним успехом идет на сцене «Алексей Кольцов», выдержав около 130 аншлагов. За полтора года появилось много новых спектаклей. В особенности спектаклей о современности: «Маленькая студентка», «Веселка», «Человек в отставке», «Трасса», «Барабанщица», «Миллион за улыбку», «Летом небо высокое», «Заводские ребята», «Неравный бой», репетируется «Иркутская история». А вот и цифры, которые бывают убедительнее всяких речей. За 1959 год воронежский театр сыграл 38 спектаклей русской классики, 34 — мировой драматургии, 37 — современных зарубежных авторов и 302 спектакля о советской действительности.

С точки зрения общих задач, стоящих перед театром, воронежцы идут в фарватере передовых. Экономически — театр один из преуспевающих.

Но, пожалуй, ни в одном спектакле основная тема театра не прозвучала с той силой, какая по плечу талантливому коллективу и такому художнику, как Ф. Шишигин. Театр не создал ни одного спектакля, приближающегося по своим качествам к «Кольцову», спектакля с таким общественным резонансом, как «Буданцев». То, что театр взял курс на современность, сегодня кажется недостаточным. Дело в том, что мелькающие в многочисленных статьях суждения на несовременность современной драмы весьма основательны.

Глубокую неудовлетворенность выражают и сами драматурги, и критики, выступающие на страницах газет. Но театр ждать не может — ему надо ежедневно поднимать занавес сцены.

Сейчас как никогда литературные части работают с «полной выкладкой» сил и времени. Заведующая литературной частью воронежского театра Ольга Александровна Стиро показала кипы пьес, идущих самотеком от авторов «местных» и «столичных», от драматургов-любителей. Последнее обстоятельство мне показалось знаменательным. Происходит интересный процесс:

создание репертуара принимает, можно сказать, массовый характер. Люди разных профессий, различной литературной подготовки и одаренности пишут пьесы и ставят в них подчас такие проблемы, которые еще обходят стороной профессиональные драматурги.

Никогда еще с такой интенсивностью не проявлялся интерес к театру. И чем выше культура народа, тем более массовый характер приобретает непосредственное включение его в процесс искусства. Кто знает, быть может, в том, что учительница Анна Киселева написала пьесы, одна из которых принята к постановке народным театром, а другая отмечена на конкурсе, — и есть начало того будущего, в котором каждый человек может стать и великим ученым, и Рафаэлем одновременно. Но время это может быть отдалено, если мы ограничимся прекрасными мечтами и не будем видеть помехи на этом пути.

Ведь для того, чтобы развивался художественный вкус народа, возрастала высокая требовательность талантливых любителей искусства к самим себе, необходимо, чтобы профессиональное искусство всегда и везде было по меньшей мере на голову выше искусства самодеятельного. Отношение художника-любителя к художнику-профессионалу всегда будет отношением ученика к учителю.

К сожалению, пьесы профессионалов, присланные воронежскому театру, мало чем отличались от первых несовершенных пьес любителей.

По этим пьесам и тем, что были изданы или напечатаны отделом распространения, заметно одно глубоко огорчительное их качество — дилетантизм значительной части драматургов. Не успел человек написать пьесу, как он бросает свою основную профессию и становится так называемым профессионалом пера. Кругозор такого драматурга, общая культура, эстетические запросы и художественный вкус не выше вкуса его собратьев-любителей.

Может ли современный специалист-физик позволить себе ограничиться институтскими знаниями, а нейрохирург — своей клинической практикой, могут ли они позволить себе не знать важнейших открытий и изобретений в своей области?!

А среди литераторов много людей, не знающих подчас даже основ своего дела. Дилетантизм, порожденный ложным мнением, будто бы искусство писать легче других профессий, порождает, в свою очередь, недоверие, а иногда пренебрежение

к писательскому труду, к искусству вообще.

Драматург-дилетант не способен создать произведение широкой философской мысли, произведение большого эпического размаха. Ведь он не в состоянии подняться выше своего роста и охватить взглядом прошлое, настоящее и будущее.

Отсюда пресловутое мелкотемье, отсюда и топтание на месте в разработке драматургических конфликтов.

Естественно, что пьеса как диалогическая форма происшедшего события в колхозе, на заводе или в учреждении не может стать выше жизненного факта потому хотя бы, что первоисточник всегда интереснее, чем пересказ виденного и слышанного. А именно этим отличаются пьесы, присланные театру.

Бросается в глаза и другая черта — инерция мышления, сквозящая и в идее пьес, и в сюжетах.

Перебираю в памяти драматические конфликты, положенные в основу сюжетов. Их можно без труда свести к трем типам: один — продолжение давнего конфликта отцов и детей. Другой тип конфликта — зажимщики и формалисты в лице одного-двух руководителей колхоза (райкома, больницы, министерства и т. д.), с одной стороны, и с другой — честные работники, которым удается, в конце концов, пробить брешь в стене равнодушия и косности. И третий — любовь, которая в начале пьесы вроде бы и не любовь, на поверку оказывается, будто бы эта любовь и есть самая сильная и глубокая.

В пьесах этого типа напрасно искать крупные идеи, нет в них и сложных характеров, и сильных страстей. Я понимаю, что учителя или работника районной газеты может волновать определенная тема, определенные образы. Он, автор, действительно списывает их с жизни и по мере своей одаренности и литературной подготовки использует весь этот материал в драматургическом сюжете. Но когда автор «списывает» сюжеты и образы сам у себя или у своих коллег, руководствуясь при этом «спросом», модой на данные темы, в этом как раз и сказывается инерция мышления; ремесленнический подход к делу. Манера подражать чему-либо или кому-либо проглядывает и у тех авторов, которые находят сбыт своим пьесам и на столичной сцене.

Огромный интерес драматургов и недраматургов к темам этическим, к проблемам современной морали и нравственности лишний раз доказы-

вает, как важно всем нам разобраться и в этих проблемах, и в пьесах, толкующих их.

Вероятно, наступило время поговорить об этих материях не с высоты своего крылечка, а с истинной высоты, отвечающей современным масштабам жизни.

Не знаю, может быть, воронежский театр недостаточно энергично искал свою современную пьесу, о которой мечталось давно. Но то, чем он располагает сегодня, явно «не тянет» на высокое искусство. У воронежцев есть свои думы, свои замыслы, которые черпаются не из пьес, а из жизни, бурной, живой, всегда многообразной. Успех работы над новой пьесой мне видится не в стыдливой и деланно-скромной литературной правке первой редакции пьесы, а в большой гражданской требовательности к драматургу, в идейно-эстетических спорах с ним по существу пьесы, в умении понять замысел писателя, не сумевшего еще до конца полно раскрыть его в художественных образах. Только большая, терпеливая работа с драматургом может принести плоды. Речь, разумеется, идет о массе молодых писателей, идущих в большую драматургию. Здесь нет и не может быть места снисходительности.